

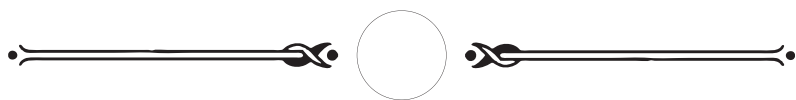
ГЛАВА I

Некоторые рождаются под счастливой звездой, но другим не так везет, и все их несчастья навязаны расположением планет. Кассиопея Тун, названная в честь созвездия в полосе Млечного Пути, — казалось бы, звучит многообещающе, — родилась под гнилой звездой. Восемнадцать лет, денег нет, и она никогда не выбиралась за пределы Укумиле, пыльного городка, где солнце безжалостно выжигало все мечты. Кассиопея осознавала, что многие прозябают в таких же унылых городках. Однако она сомневалась, что этим другим приходится жить в настоящем аду, а именно такой и была ее жизнь в доме дедушки Сирило Лейвы.

Сирило был человеком угрюмым, и в его иссохшем теле содержалось больше яда, чем в жале белого скорпиона. Кассиопея ухаживала за ним: готовила еду, стирала и гладила одежду, расчесывала редкие волосы. Дед был все еще достаточно сильный, чтобы стукнуть ее тростью по голове, когда ему захочется, и мог потребовать принести стакан воды или тапочки посреди ночи, а ее тети, кузены и кузины находили для нее другие поручения: вымыть полы, вытереть пыль в гостиной, да мало ли что еще.

— Делай, как говорят. Нельзя, чтобы нас посчитали нахлебниками, — наставляла мама Кассиопеи.

Девушка проглатывала гневный ответ, который конечно же был наготове. Нет никакого смысла обсуждать

с мамой дурное обращение, ведь у той всегда был один совет: «Молись Богу».

В возрасте десяти лет Кассиопея усердно молилась, чтобы ее кузен Мартин отправился жить в другой город, подальше от нее, но к восемнадцати годам она поняла, что если Бог и существует, ему на нее точно наплевать. Что этот Бог для нее сделал? Забрал отца? Тихого клерка, любителя поэзии, навсегда очарованного мифологией майя и греков и умевшего рассказывать истории на ночь. Однажды утром его сердце просто остановилось, словно плохо заведенные часы. После его смерти Кассиопее с матерью пришлось собрать вещи и отправиться в дом бабушки. Семья мамы была щедра, если понимать под щедростью работу, к которой их немедленно привлекли, в то время как все остальные домочадцы бездельничали.

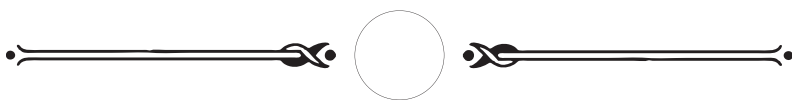
Если бы Кассиопея была склонна к романтике, как ее отец, возможно, она бы представила себя Золушкой. Но хотя девушка и дорожила старыми книгами отца, и особенно сонетами Кеведо, являющимися источником эмоций для юных сердец, она решила, что глупо олицетворять себя с замарашкой. В конце концов бабушка, изводивший ее, пообещал, что после его смерти она унаследует некоторую сумму денег, достаточную, чтобы переехать в Мериду.

Атлас демонстрировал ей расстояние между городами. Кассиопея измеряла его кончиками пальцев.

Когда-нибудь...

А пока что она жила в доме Сирило. Вставала рано и сразу же принималась за работу, отправив подальше нетерпеливые мысли.

Тем днем ей доверили мыть пол в коридоре, и она этому обрадовалась — по крайней мере можно будет узнать о состоянии бабушки. Сирило на глазах сдавал, и родственники считали, что он не переживет осень. Его пришел навестить врач и сейчас разговаривал с тетками — их голоса доносились из гостиной, сопровождаемые звоном изящных фарфоровых чашечек. Кассиопея двигала щеткой по красным плиткам, пытаясь не упустить нить разговора. С ее стороны было бы наивно полагать, что хоть кто-то расскажет о том, что происходит в доме: родственники не тратили время на общение с ней — коротко отдавали приказы, и только.

Вдруг перед ее ведром остановилось два блестящих ботинка. Кассиопее не нужно было поднимать взгляд, чтобы понять: это Мартин. Ей ли не знать его обувь.

Мартин был юной копией бабушки. Широкоплечий, жилистый с сильными накаченными руками, наносящими мощные удары. Девушке нравилось думать, что, когда Мартин постареет, он станет таким же, как Сирило сейчас — уродливой, покрытой пятнами беззубой развалиной.

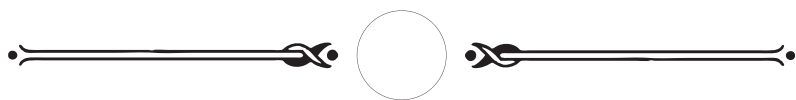
— Ну вот ты где. Мама ходит с ума, ищет тебя, — сказал парень; по привычке он говорил с ней, глядя в сторону.

— А что такое? — спросила она.

— Хочет, чтобы ты ходила к мяснику. Глупый старикашка требует хорошую говяжью вырезку на ужин. И по дороге купи мне сигареты.

— Ладно, — кивнула Кассиопея. — Пойду переоденусь.

Она была без чулок, в потрепанной юбке. Не мыть же полы в приличной одежде.

— Переоденешься? Зачем? Только время терять. Отправляйся сейчас же.

— Мартин, я не могу так пойти...

— Иди, я сказал!

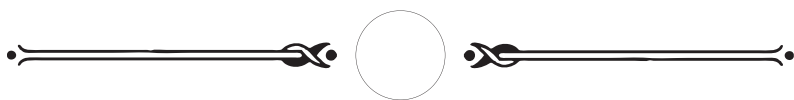
Кассиопея была практичной девушкой. Она посмотрела на кузена, раздумывая, стоит ли препираться. Пожалуй, нет. Мартин просто ударит ее, и она ничего не добьется. По его лицу было видно, что он только что с кем-то поссорился и теперь вымещал злобу на ней.

— Хорошо, хорошо, — сказала она примирительно.

Мартин выглядел разочарованным — он жаждал потасовки. Сунул ей деньги, и девушка отправилась выполнять поручение, даже не замотав шаль вокруг головы.

В то время как большинство женщин в мире стригли волосы вызывающе коротко и танцевали чарльстон, Укумиле оставался местом, где выходить в город без шали было довольно смело. В 1922 году губернатор Юкатана Фелипе Каррильо Пуэрто объявил, что женщины могут голосовать. Но в 1924 году его застрелили — именно этого и стоит ждать, когда губернаторы запросто разговаривают на языке майя и не прислушиваются к правильным людям, стоящим у власти. И как только его застрелили, эту привилегию у женщин забрали. Вот еще — голосовать! Не то чтобы это имело значение в Укумиле. На дворе 1927 год, но казалось, будто 1806-й. Революция прошла, но город нисколько не изменился. В нем не было ничего особенного, кроме скромной каменоломни, где добывали *саскаб*¹, использующийся на всякие

¹ Розово-белый известняковый песок с крупными включениями.

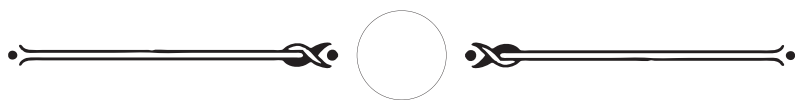
строительные нужды. Говорят, неподалеку когда-то находилась плантация юкатанской конопли, но Кассиопея мало что знала об этом, ведь ее дедушка не был *hacendado*¹. Деньги ему приносили доходные дома, которыми он владел в Мериде. Золото? Это вряд ли, скорее всего, это были просто разговоры.

Предполагалось, что страна после Революции, — а она растянулась на целое десятилетие² и была богата на события, — станет светской, и это красиво было написано на бумаге, но на деле до этого было далеко. Каждый раз, когда государство пыталось ограничить религиозную деятельность, в сердце Мексики вспыхивало восстание кристерос³. Вот и в этом феврале все священники в Гуанахуато и Халиско были задержаны за подстрекательство выступить против антикатолических мер, продвигаемых президентом. Однако в Юкатане было относительно тихо, пламя борьбы здесь не разгоралось так, как в других городах. Юкатан всегда был слегка в стороне, он был как остров, пусть даже атлас и уверял Кассиопею, что она живет на полуострове, отделяющем Мексиканский залив от Карибского моря. Так что совсем не удивительно, что в ленивом Укумиле крепко держались за традиции. А их священ-

¹ Землевладелец, помещик (*исп.*).

² Мексиканская революция развивалась в 1910–1917 годах и закончилась принятием конституции, но некоторые исследователи называют датой ее окончания 1920 год, когда прекратились (на время) кровавые стычки между разными лагерями.

³ От испанского *Cristo* — Христос. Столкновения между федеральными силами и повстанцами кристерос, боровшимися против положений Конституции 1917 года, направленных на ограничение роли Римско-католической церкви в стране.

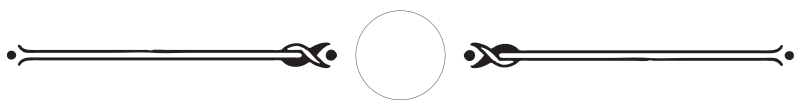
ник становился все ревностнее в том, что касалось морали. На каждую женщину в городе он смотрел с подозрением. Любое нарушение приличий фиксировалось. А как иначе? Женщины, они ведь произошли от Евы, слабой и грешной, съевшей запретное яблоко. Разве можно им доверять?

Если бы падре увидел Кассиопею сейчас, он бы схватил ее за руку и потащил обратно домой. А то бы и ударил. Но удар святого отца не такой сильный, как у Мартина, так что можно потерпеть.

Кассиопея медленно шла к городской площади, где стояла церковь. Мартин подождет со своими сигаретами. На площади теснились магазинчики: мясная лавка, галантерея со всякой всячиной и аптека; здесь же располагался кабинет городского врача. Небогато, но Кассиопея осознавала, что в Мексике полно городков, где и такого нет. И все равно она чувствовала неудовлетворение. Ее отец был родом из Мериды; когда женился, забрал туда маму, и там родилась Кассиопея. Она всегда думала, что это ее дом. Ну или в *любом другом месте*, не здесь. Здесь руки ее огрубели и стали некрасивыми от стирки белья в каменной *lavadero*¹, но хуже всего приходилось ее душе. Она мечтала о глотке свободы.

Знала точно — есть другая жизнь. В ней нет места умирающему деду, который подчинил своим прихотям весь дом, и высокомерным родственникам. Зато есть место роскошным автомобилям — как же ей хотелось проехаться хотя бы на одном таком! — вызывающим красивым платьям, танцам, танцам, танцам... и виду на Тихий

¹ Мойка (исп.).

океан ночью, совсем как на открытке, которую она укра-
ла на почте. Открытку она положила под подушку, и но-
чью ей снилось, как она купается под звездами, а потом
танцует в платье с блестками.

Иногда она представляла красивого мужчину, кото-
рый ведет ее в танце. Она вырезала из газет фотографии
кинозвезд и складывала их в жестяную банку из-под пе-
ченья, в которой хранила все свои драгоценности. Ее во-
ображаемый партнер был точь-в-точь как все эти кра-
савчики, даже лучше. И несмотря на то, что сны у нее
были очень яркими, она никогда не присоединялась
к веселому перешептыванию кузин, рассказывающих
о своих снах. Нет уж, лучше держать рот на замке, а фо-
тографии в банке.

Кассиопея купила все необходимое и неохотно попле-
лась домой. Дом деда, окрашенный желтой краской,
с узорчатыми решетками на окнах, был лучшим в городе.
Дед гордился им, говорил, что он даже лучше, чем усадь-
ба в Эль-Принципо, знаменитом поместье неподалеку от
городка. Оно не принадлежало деду, и иногда Кассиопея
думала, что он просто завидует.

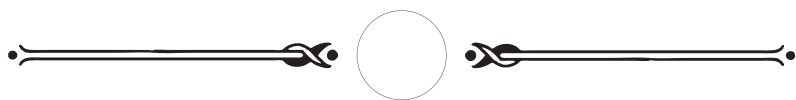
Но дом хорош, тут ничего не скажешь. И снаружи,
и внутри. Имея такие деньги, Сирило Лейва мог бы со-
держивать семью в Мериде, но Кассиопея подозревала, что
деду просто нравилось бахвалиться богатством перед
людьми, рядом с которыми он рос.

Сама же Кассиопея хотела сбежать отсюда.

Какой красивый желтый дом!

И как она его ненавидела.

Девушка стерла капли пота с верхней губы. Было такое
чувство, что ее поджаривают. Нужно было все-таки за-

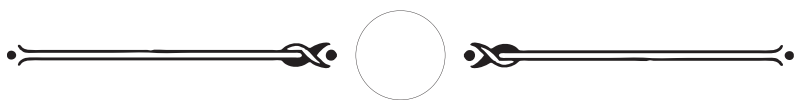

хватить шаль, чтобы защитить лицо от солнца. Но не смотря на жару, она уселась под померанцем, прежде чем зайти в дом. Закрыла глаза и ощутила запах соли. Запах соли всегда был рядом. Ей это нравилось, и, наверное, она будет скучать по нему, если когда-нибудь поселится далеко от побережья, в глубине материка. Ну и пусть, она была готова на такую жертву.

Понимая, что больше оттягивать нельзя, Кассиопея пересекла внутренний дворик и прошла на кухню. Там она застала маму. Мама резала чеснок и разговаривала со служанками. Ей пришлось отрабатывать свое проживание в доме отца, занимаясь готовкой. Старику нравились ее кулинарные способности, но в другом дочь его разочаровала. То, что она вышла замуж за смуглого парня и произвела на свет такую же смуглую дочь, — это было достойно сожаления. Кассиопея предпочитала проводить время рядом с матерью, помогая ей понемногу. Но когда ей исполнилось тринадцать, она ударила Мартина палкой за оскорбление отца. С тех пор родственнички заставляли ее выполнять работу потяжелее, чтобы научить смирению.

Она налила себе кофе и отрезала кусок белого соленого хлеба *bolillo*. Как только мясо поджарилось, понесла его в комнату деда.

Сирило жил в самой большой комнате. Здесь было *ро-скошно*: тяжелая мебель из красного дерева, пол выложен импортной плиткой, а на стенах цвели узоры из лоз и фруктов, нанесенные вручную. Большую часть дня дед проводил в чудовищной чугунной кровати — он буквально утопал в огромном количестве подушек. У изножья кровати стоял массивный сундук — Кассиопея ни разу не видела его открытым. На нем было единственное

изображение — обезглавленный мужчина. Достаточно распространенный мотив у майя: *к'ун кааль* — перерезание горла. На стенах старых храмов брызги крови обезглавленных жертв тщательно выписывались, но здесь никаких брызг — только изгибающийся хребет и голова, падающая вниз.

В детстве Кассиопея спрашивала дедушку об этом сундуке и этой фигуре. Ей казалось странным присутствие в комнате такого предмета, учитывая, что дед не интересовался искусством майя. Но он сказал ей не лезть не в свое дело. Ключ от сундука он хранил на золотой цепочке на шее. Цепочку снимал, только когда принимал ванну или ходил в церковь, поскольку священник строго-настрого запрещал украшения.

Кассиопея поставила поднос на стол. Дед с кряхтением поднялся с кровати и уселся ужинать. Проворчал, что соли многовато, но орать не стал. А то ведь мог завопить так, что воздух бы задрожал.

— Принесла газету? — спросил он. Сегодня была пятница. Один из двух дней в неделю, когда поезд останавливался у них в городке и привозил прессу из Мериды.

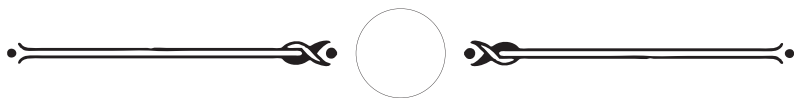
— Да, — ответила Кассиопея.

— Читай.

Она начала читать. Время от времени дед махал рукой, что служило сигналом остановиться и переключиться на другую новость. Кассиопея сомневалась, что ее дед так уж интересовался новостями — скорее, ему просто нравилась компания, хотя он никогда не скажет об этом.

Когда ему надоело слушать, он ее отпустил.

— Говорили, ты сегодня была груба с Мартином, — заметила мать, когда они готовились ко сну. У них была

крохотная комната, куда едва втиснулись две кровати; из украшений — растение в кашпо из макраме и потрескавшееся изображение Девы Марии Гваделупской. А ведь ее мать в детстве была самым любимым ребенком Сирило.

— Да? И кто же это сказал?

— Твоя тетя Люсинда.

— Ее там не было. К тому же он первым начал, — запротестовала Кассиопея.

Мама вздохнула.

— Кассиопея, ты же знаешь, как обстоят дела.

Она принялась расчесывать ей волосы. Густые, черные, совершенно прямые, длиной до поясницы. Днем Кассиопея заплетала их в косу, а чтобы пряди не падали на лицо, смазывала их вазелином. Но ночью всегда распускала, чтобы дать голове отдохнуть.

— Мартин — свинья, и дедушка никак его не сдерживает. Он еще хуже Мартина, скупой плешивый старик!

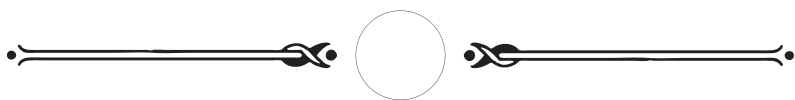
— Ты не должна так говорить. Благовоспитанная девушка обязана следить за своим языком, — мягко пожурила мама.

Благовоспитанная... Ее тетки, кузены и кузины были благовоспитанными. Мама тоже была благовоспитанной женщиной. А Кассиопея — просто бедная родственница, по крайней мере, к ней так относились.

— Мне иногда хочется волосы на себе рвать из-за того, как они со мной говорят, — призналась девушка.

— Волосы-то у тебя такие красивые, — сказала мама, опуская расческу на столик. — К тому же злость отравит только тебя, но не их.

Кассиопея прикусила нижнюю губу. И как это у мамы хватило смелости выйти замуж за отца, несмотря на про-

тесты семьи? Правда, Мартин нашептал ей, будто свадьба состоялась, потому что мать забеременела. А раз так — Кассиопея незаконнорожденный ребенок, дочь липового Принца-Бедняка. За эти слова она и ударила его палкой, оставив шрам на лбу. Такое унижение Мартин, конечно, никогда не простит. А она никогда не забудет свой триумф.

— Ты прочитала то, что я пометила для тебя?

— Ох, мама, какая разница, что я читаю и читаю ли вообще! — раздраженно ответила Кассиопея.

— Разница есть.

— Я все равно не попаду туда, где это будет иметь значение.

— Ты не можешь знать наверняка. Твой дед сказал, что после его смерти мы с тобой получим по тысяче песо, — напомнила мать.

В Мехико работник приличного магазина получал пять песо в день, но в сельской местности — половину этой суммы или того меньше. С тысячей песо можно жить в Мериде целый год и не работать.

— Знаю, — вздохнула девушка.

— Даже если он не отдаст нам все эти деньги, у меня есть сбережения. Песо тут и там, может, мы что-нибудь придумаем для тебя. Как только станешь старше, через год или два, подумаем о Мериде.

Целая вечность... И не факт, что это произойдет...

— Бог видит твое сердце, Кассиопея, — улыбнулась мать. — Это доброе сердце.

Кассиопея опустила взгляд. На самом деле ее сердце бурлило как вулкан, а в животе давно уже завязался узел неприязни ко всем живущим в этом доме.

— Ну, давай обнимемся, — сказала мама.